

Александр Сергеевич Пушкин Метель

Кони мчатся по буграм,
Топчут снег глубокой...
Вот, в сторонке божий храм
Виден одинокой.
Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Черный вран, свистя крылом,
Вьется над санями;
Вещий стон гласит печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрят в темну даль,
Воздымая гривы...
Жуковский

В конце 1811 года жил в своём поместье* Ненарадове добрый Гаври́ла Гаври́лович Р**. Он славился гостеприимством и радушием; соседи ездили к нему поестъ, попить, поиграть с его женою, Праскóвьею Петро́вною, а некоторые, чтобы поглядеть на дочку их, Ма́рью Гаври́ловну, стройную, блédную и семнадцатилéтнюю деви́цу. Она́ считáлась богáтой невестой. Ма́рья Гаври́ловна была́ воспитана на французских ромáнах и была́ влюбленá в бедного армéйского пра́порщика, находившегося в отпуске в своей деревне. Молодой человек тоже пылал стра́стью, но её родители, заметив их влюблённость, запретили дочери о нём и думать.

Любóвники переписывались и каждый день виделись в сосновой роще. Там они клялись друг другу в вечной любви и жаловались на судьбу. Они́ решили: если мы друг без друга дышать не можем, а воля* жестоких родителей препятствует нам, то нельзя ли нам будет обойтись без неё? Эта счастливая мысль пришла сначала в голову молодому человеку и понравилась романическому воображению Ма́рьи Гаври́ловны.

Наступила зима и прекратила их свидания; но переписка продолжалась. Владимир Николаевич в каждом письме просил её венчаться* тайно, скрываться недолго, а потом броситься* к ногам родителей*, которые простят их.

Ма́рья Гаври́ловна долго сомневалась, но согласилась: в назначенный день она́ должна́ была́ не ужинать, а уйти в свою комнату под предлогом головной боли. Девушка* её была́ в заговоре*. Обе они́ должны́ были выйти в сад через заднюю дверь, за садом найти сани, садиться в них и ехать в село́ Жадрино, прямо в церковь, где Владимир должен был их ожидать.

Накануне* Ма́ша не спала всю ночь; она́ собирала вещи, написала одно длинное письмо своей подруге, другое своим родителям. Она́ прощалась с ними и извиняла свой поступок* силой страсти и просила в дальнейшем* простить её. Запечатав* оба письма, она́ задремала. Наконец, она́ встала с головою болью от снов тяжёлых. Отец и мать заметили её беспокойство, задавали вопросы: что с тобою, Ма́ша? не больна ли ты, Ма́ша? Эта забота* мучила её сердце.

Она́ старалась их успокоить. Наступил вечер. Подали ужинать; сердце её сильно забилось. Дрожащим* голосом объявила она́, что ей ужинать не хочется, отец и мать её поцеловали и благословили*: она́ чуть не заплакала. Придя в свою комнату, она́ кинулась в кресло и заплакала. Через полчаса Ма́ша должна́ была́ навсегда оставить родительский дом, свою комнату, тихую свою девическую жизнь... На дворе была́ метель*, ветер выл; всё казалось ей угрозой. Скоро в доме всё утихло и заснуло. Ма́ша укуталась* шалью, надела тёплый капóт*, взяла шкатулку* свою и вышла на заднее крыльцо. Служанка* неслá за ней вещи. Метель не утихала; ветер дул навстрéчу, как будто хотёл остановить молодую преступницу*. Они́ с трудом дошли до конца сада. На дороге их ждали сани*. Кучер* Владимира помог барышне и её девушке сесть и уложить вещи. Лошади полетели.

Цѣлый день Владѣмир был в разъѣзде*. Утром был он у священника; с трудом с ним договорился; потом поѣхал искать свидѣтелей. Отставной* сорокалѣтний корнѣт* Дравин, согласился с удовольствіем. После обеда нашли ещё двоих свидѣтелей. Они приняли предложеніе Владѣмира, он обнялъ их и поѣхал домой готовиться.

Ужѣ давно смеркалось*. Он отправил своего надёжного кучера в Ненарадово, а сам один без кучера отправился в Жадрино, куда часа через два должна была приѣхать и Маша. Дорога была ему знакома, а ѣхать всего двадцать минут.

Владѣмир въѣхал в поле, поднялся вѣтер и началась такая метель, что он ничего не видел. В одну минуту дорогу занесло, а небо слилось* с землёй. Владѣмир оказался в поле и напрасно хотѣл снова попасть на дорогу; ему казалось, что ужѣ прошло болѣе получаса, а он не доѣхал ещё. Прошло ещё около десяти минут; метель не утихла, небо не прояснилось. Лошадь начинала уставать.

Наконец, он увидал, что ѣдет не в ту сторону. Владѣмир остановился: начал думать, припоминать, соображать, и решил поѣхать вправо. Он поѣхал вправо. Ужѣ болѣе часа был он в дороге. Жадрино должно быть недалекó. Но он ѣхал, ѣхал, а поле было без конца. Время шло; Владѣмир начиналъ сильно беспокоиться.

В сторонѣ что-то стало чернѣть. Владѣмир повернул туда. Он увидал рощу. Слава богу, подумал он, тепѣрь близко. Он поѣхал около рощи и скоро нашёл дорогу. Она была гладкая и Владѣмир успокоился. Но он ѣхал, ѣхал, а Жадрина не было. Владѣмир с ужасом увидал, что он заѣхал в незнакомый лес. Он был в отчаянии*.

Владѣмир въѣхал из лѣсу. Жадрина не видать. Ужѣ было около полуночи. Слёзы потекли из глаз его; он поѣхал наудачу. Погода утихла, ночь была довольно ясная. Он увидал деревушку, состоящую из четырёх или пяти домов. Владѣмир поѣхал к ней. У первого дома он подбежал к окну и стал стучаться. Через нѣсколько минут старик вышел и сказал, что до Жадрино вѣрст* десять. Владѣмир схватил себя за волосы. Он попросил старика дать проводника*.

Пѣли петухи и было уже светло, когда они доѣхали до Жадрина. Церковь была закрыта. Владѣмир поѣхал на двор к священнику.

Но посмотрим, что дѣлается у родителей Маши.

Старики проснулись и вышли в гостиную. Подали самовар, и Гаврила Гаврилович послал узнать, как здоровье Маши и как она отдыхала. Ему сказали, что ей лучше и что она сейчас придѣт в гостиную. Дверь открылась и Маша подошла к родителям поздороваться.

«Что твоя голова, Маша?» — спросил Гаврила Гаврилович. «Лучше, папенька», — отвечала Маша.

День прошёл хорошо, но в ночь Маша заболѣла. Послали в город за лѣкарем*. Он приѣхал к вечеру, Маша была в бреду*. Бѣдная больная две недѣли находилась у края гроба*.

Никто в домѣ не знал о побѣге. Письма были сожжены. Священник, отставной корнѣт, и два свидѣтеля были скромны. Кучер никогда ничего лишнего не говорил. Тайна была сохранена. Но Маша сама в бреду высказывала свою тайну. Мать, не отходящая от её постѣли, могла понять, что дочь её была смертельно влюблена во Владѣмира Николаевича и, вероятно, любовь была причиной её болѣзни. Она совѣтовалась со своим мужем, и все решили, что бѣдность не порок*, что жить не с богатством, а с человеком.

Барышня стала выздоравливать. Владѣмира давно не видно было в домѣ Гаврилы Гавриловича. За ним послали и объявили ему о согласи на брак. В отвѣт на их приглашеніе получили они от него полусумасшедшее письмо! Он объявлял им, что ногá его не будет никогда в их домѣ, и просил забыть о нём. Через нѣсколько дней узнали они, что Владѣмир уѣхал в армию. Это было в 1812 году.

Долго не смѣли объявить об этом выздоравливающей Маше. Она никогда не упоминала о Владѣмire. Нѣсколько месяцев спустя, нашли имя его в числѣ отличившихся и тяжело раненных под Бородином. Она упала в обморок, боялись, чтобы болѣзнь её не возвратилась.

Другая печаль её посетила: Гаврила Гаврилович умер, оставив её наследницей всего имения. Но наследство не утешало её. Маша с матерью поехали жить в другое поместье.

Женихи кружились и тут около милой и богатой невесты; но она никому не подавала и малейшей надежды. Владимир уже не существовал: он умер в Москве. Память его казалась священной для Маши. Она берегла всё, что могло его напомнить: книги, его рисунки, ноты и стихи.

Между тем война со славою была закончена. Полки наши возвращались из-за границы. Народ бежал им навстречу. Офицеры, ушедшие в поход молодыми, возвращались, возмужавшими. Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове отечество!

В это время Маша жила с матерью в губернии* и не видела, как обе столицы праздновали возвращение войск. Но появление деревнях и маленьких городах офицера было настоящим торжеством.

Несмотря на холодность, Машу по-прежнему окружали женихи. Но все отступили, когда явился раненый полковник Бурмин. Ему было около двадцати шести лет. Он приехал в отпуск в свой поместья, находившиеся по соседству деревни Маши. Когда он приходил, она оживлялась.

Бурмин был очень милый молодой человек. Он имел именно тот ум, который нравится женщинам: ум приличия и наблюдения. Поведение его с Машей было просто и свободно.

Но более всего она удивлялась, как до сих пор не видела она его у своих ног и ещё не слышала его признания в любви? Это было для неё загадкой. Подумав хорошенько, она решила, что робость его была единственной причиною. Его действия имели желаемый успех: Бурмин стал задумчивым, и чёрные глаза его с огнём останавливались на Маше. добрая Прасковья Петровна радовалась, что дочь её нашла себе достойного жениха.

Бурмин нашёл Марью Гавриловну у пруда, под ивою, с книгою в руках и в белом платье. Он объявил, что искал давно случая открыть ей своё сердце, и потребовал минуты внимания. Марья Гавриловна закрыла книгу и опустила глаза.

«Я вас люблю, — сказал Бурмин, — я вас люблю страстно...» (Марья Гавриловна покраснела и склонила голову ещё ниже), но —... я женат!»

— Я женат, — продолжал Бурмин, — я женат уже четвертый год и не знаю, кто моя жена, и где она, и должен ли свидеться с нею когда-нибудь!

— Что вы говорите? — воскликнула Марья Гавриловна, — как это странно! Продолжайте; я расскажу после... но продолжайте, сделайте милость.

— В начале 1812 года, — сказал Бурмин, — я спешил в Вильну, где находился наш полк.

Приехав однажды на станцию поздно вечером, я велел скорее подавать лошадей, как вдруг поднялась ужасная метель, и мне советовали переждать. Я послушался. Но не вытерпел и поехал в самую бурю. Буря не утихала; я увидел огонек и велел ехать туда. Мы приехали в деревню; в деревянной церкви был огонь. Церковь была открыта. «Сюда! сюда! — кричало несколько голосов. — Выходи же скорее». Я молча выпрыгнул из саней и вошёл в церковь, слабо освещённую двумя или тремя свечами. Девушка сидела на лавочке в тёмном углу церкви. Старый священник подошёл ко мне с вопросом: «Прикажете начинать?» — «Начинайте, начинайте, батюшка», — отвечал я рассеянно. Нас обвенчали. «Поцелуйтесь», — сказали нам. Жена моя обратила ко мне бледное своё лицо. Я хотел было её поцеловать... Она вскрикнула: «Ай, не он! не он!» и упала без памяти. Свидетели устремили на меня испуганные глаза. Я повернулся и вышел из церкви.

— Бóже мой! — кричала Марья Гавриловна, — и вы не знаете, что сделалось с бедной вашею женою?

— Не знаю, — отвечал Бурмин — не знаю, как зовут деревню, где я венчался; не помню, с которой станции поехал.

— Бóже мой, бóже мой! — сказала Марья Гавриловна, схватив его руку, — так это были вы! И вы не узнаете меня?

Бурмин побледнел... и бросился к её ногам...